

О. Б. Христофорова^{ab}

ORCID: 0000-0001-5041-2335

✉ okhrist@yandex.ru

^a *Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)*

^b *Российский государственный
гуманитарный университет
(Россия, Москва)*

ОТ «БОЛЬШИХ ТЕОРИЙ» К «НОВЫМ ПОВОРОТАМ»: ТРАЕКТОРИИ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Аннотация. В публикации представлены материалы Международной научной конференции «Большие теории» и «новые повороты»: траектории антропологии и фольклористики в конце XX — начале XXI века», прошедшей 13–14 декабря 2020 г. в Москве.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Христофорова О. Б. От «больших теорий» к «новым поворотам»: траектории гуманитарного знания // Шаги/Steps. Т. 7. № 2. 2021. С. 334–341. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-2-334-341>.

Хроника поступила в редакцию 20 апреля 2021 г.

Принято к печати 21 апреля 2021 г.

O. B. Khristoforova^{ab}

ORCID: 0000-0001-5041-2335

✉ okhrist@yandex.ru

^a *The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Russia, Moscow)*

^b *Russian State University for the Humanities
(Russia, Moscow)*

FROM “BIG THEORIES” TO “NEW TURNS”: TRAJECTORIES OF KNOWLEDGE IN THE HUMANITIES

Abstract. The review presents the materials of the International Conference “‘Big Theories’ and ‘New Turns’: Trajectories of Folklore Studies and Anthropology at the End of the 20th — Early 21st Century”, held on December 13–14, 2020 in Moscow.

Acknowledgements. The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

To cite this review: Khristoforova, O. B. (2021). From “big theories” to “new turns”: Trajectories of knowledge in the humanities. *Shagi / Steps*, 7(2), 334–341. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-2-334-341>.

Received April 20, 2021

Accepted April 21, 2021

13–14 декабря 2019 г. состоялась международная научная конференция «“Большие теории” и “новые повороты”: траектории антропологии и фольклористики в конце XX — начале XXI века», организованная Лабораторией теоретической фольклористики Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы (ШАГИ ИОН РАНХиГС).

Организаторы, задумав конференцию, исходили из следующих идей. Последняя треть XX в. ознаменовалась в социальных и гуманитарных науках новым, пожалуй, наиболее сильным в прошедшем столетии кризисом позитивизма, стала временем отказа от «больших теорий» и универалистских объяснительных схем. В антропологических и фольклористических работах выявление сходств в культурах народов мира уступило место поиску различий, приоритет был отдан уникальным интерпретациям и «локальному знанию», особое внимание стало уделяться методологии (полевой и кабинетной),

рефлексии над исследовательской оптикой и личными пресуппозициями. Эта эпоха очищения от «идеологических шор» и апологии «новой этнографии» в конце прошлого столетия затронула и отечественное гуманитарное знание. Выход из-под цензуры, отказ от устоявшихся подходов и привычных объяснительных моделей стали плодородной почвой для появления свежих тем и ракурсов исследования, открывающих реальность с новых сторон. Движение научной мысли в последние десятилетия пережило ряд поворотов — антропологический, материальный, онтологический, исторический и другие.

Вместе с тем на наших глазах происходит то, что можно назвать возвратом от постмодернизма как критического движения к модернизму как каталогизации и универсализации на новом уровне. В «животворящем хаосе» научной мысли начали оформляться новые, строго очерченные исследовательские траектории. Некоторые из таких путей, оказавшиеся наиболее привлекательными для академического сообщества, превращаются из узких тропинок в проторенные дороги. «Новые повороты», предлагая свежую оптику и ранее не известные направления научного движения, могут со временем рутинизироваться, становиться глубокими колеями и новыми жесткими рамками для социальных и гуманитарных проектов. Такое положение дел требует осмысления и снова — движения вперед, к неизведанным территориям.

Как сейчас, когда близится к завершению первая четверть XXI столетия, мы можем осмыслить последствия отказа от «больших теорий», универсалистских схем и глобальных парадигм — и от самого этого отказа? Насколько применимы сейчас «старые» «большие теории» и научные парадигмы, возможно ли их возрождение и в каком качестве? В чем отличие новых исследовательских инструментов от универсалистских объяснительных схем? Как найти и удержать баланс между «локальным знанием» и «глобальным объяснением»? Какова судьба основных научных понятий (*культура, традиция, этнос* и т. п.) в новом исследовательском пространстве, как заимствуются и осваиваются новые термины, идеи и формируются новые мейнстримы в поле гуманитарного знания? Актуальны ли сегодня прежние дисциплинарные границы, и какие новые конфигурации ждут нас в этой сфере? Каковы прогнозы и перспективы дальнейшего движения научной мысли?

Над этими проблемами предлагалось поразмышлять участникам конференции, представителям различных социальных и гуманитарных дисциплин — фольклористики и этнологии, истории и социологии, искусствоведения и лингвистики.

Открыл конференцию **С. Ю. Неклюдов** (РАНХиГС, Москва) докладом «Структурно-семиотическая фольклористика сегодня», в котором он подвел итоги развития в XX в. этой научной парадигмы, оказавшей значительное влияние на многие гуманитарные и социальные дисциплины, в частности, на фольклористику. Докладчик подчеркнул, что эвристический потенциал структурно-семиотической методологии не иссяк и в наши дни — во всяком случае применительно к изучению фольклора как знаковой системы (см. публикацию в этом номере журнала). Продолжила эти рассуждения **Е. В. Александрова** (РГГУ, Москва). В докладе «“Проскочили поворот”: нужен ли структурализм в египтологии?» она рассмотрела причины, по которым исследователи древнеегипетской культуры не использовали структурно-семиотическую методологию в XX в. и по которым ее было бы уместно применять на настоящем

этапе. Среди последних — «повороты» к материальности текста, к «локальному знанию» о тексте внутри породившей его культуры и, разумеется, к рассмотрению самого ритуала как текста — этот привычный для структурно-семиотического подхода ракурс в египтологии не был популярен из-за методологической замкнутости дисциплины (см. публикацию в этом номере журнала). Тема «потерянных поворотов» привлекла внимание и **С. В. Белянина** (РАНХиГС/РГГУ, Москва). Его доклад «Я спросил у дерева: потерянный онтологический поворот в советской фольклористике» был посвящен близким концептам — «перспективизму» у теоретиков «онтологического поворота» в антропологии (Э. Вивейруш де Кастру, Э. Кон) и «точке зрения» в работах Е. С. Новик, представительницы московско-тартуской семиотической школы. Докладчик высказал мнение, что рассуждения антропологов начала XXI в. об особых онтологиях населяющих мир существ (людей, животных, растений) и коммуникации между ними были предвосхищены в 1980–1990-е годы в рамках отечественного структурно-семиотического подхода.

Следующие три доклада были посвящены тому, что изучают (или даже должны изучать) в наши дни антропология/этнология и фольклористика и как выстраиваются «цеховые» границы между ними и соседними дисциплинами (прежде всего историей и социологией). **Ю. Е. Березкин** (МАЭ РАН, Санкт-Петербург) в докладе «Современная культурная антропология: историческая проблематика vs. case studies» отстаивал идеалы позитивистской науки и «этнолого» взгляда на культуру. По его мнению, современная антропология превратилась в совокупность case studies, не дающих приращения объективного знания, и лишь работа в рамках исторической проблематики (в частности, массовая обработка данных по этнографии и фольклору с целью изучения исторических процессов) может такое приращение обеспечить (см. публикацию в этом номере журнала). **Д. В. Миронов** (СПбГУ, Санкт-Петербург) посвятил свой доклад «Дисциплинарные границы социальной антропологии в России: между историей и социологией» организационным проблемам науки. Он отметил, что социальная антропология в постсоветской России, едва оформившись как образовательная дисциплина, вскоре институционально перестала существовать, а в номенклатуре научных специальностей так и не появилась; ее исследовательское поле «поделено» между историей и социологией. Вместе с тем сообщество социокультурных антропологов в России все же существует — как неформальная сетевая структура, для которой дисциплинарные границы прозрачны и ситуативны. В таком положении российской антропологии докладчик видит одновременно и потенциал для ее развития, и угрозу для ее существования. В докладе **О. Б. Христофоровой** (РАНХиГС/РГГУ, Москва) «О научных парадигмах и цеховых границах: этнография и фольклористика в XX в.» рассматривалась проблема дисциплинарной и методологической взаимной закрытости отечественных этнографии и фольклористики в советский и отчасти постсоветский период. По всей видимости, такое положение вещей было обусловлено не только внешними обстоятельствами научно-организационного и идеологического характера, но и внутренними теоретическими течениями. Докладчица предположила, что это дисциплинарное разделение, имевшее негативные последствия для развития гуманитарного знания, может быть преодолено в рамках социокультурной антропологии с ее идеей холизма, целостности культуры.

Три следующих докладчика сконцентрировались на судьбах некоторых отдельных концепций. **А. А. Панченко** (ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург / Европейский ун-т в Санкт-Петербурге) в докладе «Кибернетические боги: “основной миф”, нью-эйдж и русская филология» рассмотрел концепцию Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова об «основном мифе» славян в контексте общественно-политических идей и проектов поздней советской эпохи. Продолжая и в некотором смысле переворачивая эту тему — от деконструкции к дестигматизации — **С. Г. Тамбовцева** (ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург / Европейский ун-т в Санкт-Петербурге) в докладе «“Альтернативная наука” в свете постколониальной поворота» рассуждала о возможности иного взгляда на «альтернативную историю», нежели существующий стигматизирующий взгляд официальной науки; методологическую помощь здесь, по мысли автора, можно ожидать от постколониальной теории. О противоположной тенденции — стигматизации научных идей — говорила **Д. А. Трынкина** (ИЭА РАН, Москва). В докладе «Эвгемеристический метод анализа мифологических представлений как табу в британской фольклористике» она рассмотрела причины маргинализации эвгемеризма (концепции, которая возводит образы низшей мифологии к представлениям об аборигенах, возникавшим у пришлого населения) в британской науке XX в. Одной из причин маргинализации и стигматизации эвгемеризма становится его активная рецепция идеологами новых религиозных движений, в частности, викки (см. публикацию в этом номере журнала).

Е. А. Кузнецова (РАНХиГС/РГГУ, Москва) и **С. А. Рагозина** (НИУ ВШЭ / Ин-т востоковедения РАН, Москва) обсуждали применимость некоторых методологических подходов к российским реалиям. Е. А. Кузнецова в докладе «Формула К. Гинзбурга на русском материале: диалог о магических практиках в русских следственных делах XVIII–XIX вв.» на примере следственного дела XIX в. рассмотрела возможности применения к российскому материалу предложенного Карлом Гинзбургом метода анализа документов о колдовстве. С. А. Рагозина в докладе «“Насыщенное описание” и интерпретация культуры: чем сейчас полезен подход К. Гирца в изучении ислама в России» сосредоточилась на современной переоценке подхода Гирца, высказанного в работе «Наблюдаемый ислам», и на актуальности этого подхода для анализа современных реалий российских мусульман (см. публикацию в этом номере журнала).

Два доклада касались новых исследовательских подходов в антропологии религии. **Ж. В. Кормина** (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург / Ин-т перспективных исследований в Берлине, Германия) в докладе «Божественная этнография: о некоторых тенденциях в современной антропологии религии» говорила о поиске новых интерпретационных моделей и аналитического языка в антропологическом изучении религиозной жизни. Одной из таких новаций (по ряду причин, о которых шла речь в выступлении) стало применение теологических концептов в антропологии религии. **Н. В. Петров** (РАНХиГС/РГГУ, Москва) в докладе «Объясняя все: природа религиозного мышления и когнитивное религиоведение» рассмотрел несколько наиболее влиятельных современных подходов в области психологии религии, эволюционного и когнитивного религиоведения — подходов У. Попп-Байер, С. Атрана, Дж. Л. Баррета, П. Буайе, — уделив особое внимание работам последнего.

Несколько докладов были сфокусированы не просто на новых методах и подходах, но на концептуальных поворотах научной мысли, ведущих к переосмыслению эпистемологических оснований гуманитарного знания.

М. И. Байдуж (РАНХиГС, Москва) в докладе «Мозг и душа: как нейронаука формирует теоретическую повестку» проанализировала влияние «когнитивистского поворота» на проблематику и методологию антропологии и смежных дисциплин, изучающих мышление и поведение человека. По мнению докладчицы, такое влияние не может быть глубоким из-за различия объекта и методов когнитивных (т. е. естественных) и гуманитарных наук.

А. С. Титков (МВШСЭН, Москва) в докладе «Ритуал как машина: культурная антропология между Тардом и Дюркгеймом» рассмотрел возможности, которые антропологам предлагает недавний поворот в социологии — от концепций Дюркгейма к идеям его главного интеллектуального соперника Габриэля Тарда. Дюркгеймовская теория ритуала имеет ряд существенных ограничений при анализе слабо выделенных из повседневности ритуализованных взаимодействий, а также плохо учитывает разнообразие проблемных ситуаций, в которых используются ритуалы. Концепция Тарда позволяет преодолеть эти ограничения. Прагматический поворот в фольклористике был в фокусе внимания **И. С. Веселовой** (СПбГУ, Санкт-Петербург). В докладе «Современная текстология фольклора: от текстов к высказываниям» она говорила о том, как интерес фольклористов на исходе XX в. постепенно смещался от текста к ситуации его произнесения и как, принимая во внимание коммуникативные параметры высказываний, можно создавать новые указатели устной несказочной прозы, учитывающие компетенции, намерения и эмоции рассказчиков.

А. Е. Пискунова (Томский гос. ун-т) в докладе «Призрак “классического” поля, или Проблематизируя полевую практику в новых антропологиях» обратилась к парадоксу в понимании полевой работы в современной антропологии. С одной стороны, глобализованная постколониальная реальность меняет идеологию и практики поля, с другой же стороны, некоторые направления в антропологии (в частности, антропология лабораторий, профессий или космоса) демонстрируют прежнее понимание полевой работы и методологическую приверженность ее базовому канону. В том же русле прозвучал доклад **Д. Ю. Сивкова** (РАНХиГС, Москва) «Нечеловеки в космосе: в поисках новых онтологий». Говоря о том, что антропология космоса сопротивляется эмансипационному потенциалу новейших антропологических поворотов, докладчик задался вопросом, как можно преодолеть модернистскую инерцию космического проекта.

Д. Ю. Доронин (РАНХиГС, Москва) в докладе «Исследовательские онтологии в шаманской традиции: от позитивизма к экзистенциальному ситуационизму» на примере алтайской культуры рассмотрел эволюцию исследовательской оптики по отношению к «шаманизму» как объекту изучения, а также изменения в понимании этого феномена внутри традиции.

Д. А. Бочков (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва) в докладе «Технография вместо этнографии? Биоиндустриальный поворот, или Особенности аффективного переплетения человеческих и нечеловеческих нарративов» говорил о возможностях применения «материального» (скорее даже «индустриального») поворота к проблематике антропологических исследований и о соответствующем изменении и этой проблематики, и самого объекта исследо-

вания, каким, в частности, могут стать биоиндустриальные ассамбляжи вроде пригородной электрички (см. публикацию в этом номере журнала). **А. В. Воронков** (РАНХиГС, Москва) выступил с темой «Семиотика театра за пределами текста: иконические и индексальные аспекты взаимодействия участников репетиции инклюзивного перформанса», рассуждая об антропологической концептуализации театра и других видов перформативных практик. На взгляд докладчика, проблема состоит в том, что трудно найти методологию, позволившую бы исследовать и текст перформанса, и его социальный контекст. Эту трудность позволяет преодолеть семиотика, в частности, подход Ч. Пирса, который мог бы быть дополнен приемами мультимодального конверсационного анализа. Таким образом, в заключительном докладе, как и в открывавшем конференцию, речь шла о семиотике и об эвристическом потенциале ее методов в наши дни.

В рамках конференции состоялись два круглых стола. Первый из них, «“Большие понятия”»: как мы их используем в своих исследованиях», был задуман как разговор о базовых понятиях фольклористики и этнологии/антропологии (*традиция, культура, этнос, ритуал, власть, коллективная память* и т. п.), их содержания и актуальном узусе в исследовательском пространстве. В разговоре участвовали А. А. Панченко (ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург / Европейский ун-т в Санкт-Петербурге), Ж. В. Кормина (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург), С. С. Алымов (ИЭА РАН, Москва), Д. А. Опарин (МГУ им. М. В. Ломоносова / НИУ ВШЭ, Москва), О. Б. Христофорова (РАНХиГС/РГГУ, Москва), а также слушатели конференции. Материалы круглого стола опубликованы на страницах этого номера журнала. Второй круглый стол, «Теоретические поиски в когнитивной психологии в эпоху гибели больших нарративов» (участники: М. В. Фаликман, НИУ ВШЭ, Москва; В. Ф. Спиридонов, Н. И. Логинов и М. М. Морозов — РАНХиГС, Москва) был посвящен тому, как гибнут «большие нарративы» в психологии и как строятся поиски новых инструментов и моделей объяснения.

На сайте ШАГИ РАНХиГС размещены программа конференции¹ и тезисы докладов [Ахметова и др. 2019].

Литература

Ахметова и др. 2019 — «Большие теории» и «новые повороты»: траектории антропологии и фольклористики в конце XX — начале XXI века». Москва, 13–14 декабря 2020 года: Материалы науч. конф. / Сост. М. В. Ахметова, Н. В. Петров, О. Б. Христофорова. М.: [б. и.], 2019. URL: http://shagi.ranepa.ru/files/anons/2019/2019_12_13bigtheories2.pdf.

References

Akhmetova, M. V., Petrov, N. V., & Khristoforova, O. B. (2019). “*Bol'shie teorii*” i “*novye povoroty*”: *traektorii antropologii i fol'kloristiki v kontse XX — nachale XXI veka*. Moskva, 13–14 dekabria 2020 goda: *Materialy nauchnoi konferentsii* [“Big theories” and “new turns”: Trajectories of folklore studies and anthropology at the end of the 20th — early 21st century”]. (N. p.). http://shagi.ranepa.ru/files/anons/2019/2019_12_13bigtheories2.pdf. (In Russian).

¹ http://shagi.ranepa.ru/files/anons/2019/2019_12_13bigtheories1.pdf.

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Ольга Борисовна Христофорова

*доктор филологических наук
ведущий научный сотрудник,
Лаборатория теоретической
фольклористики, Школа актуальных
гуманитарных исследований, Институт
общественных наук, Российская академия
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
Россия, 119606, Москва,
пр-т Вернадского, д. 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
директор, Центр типологии и семиотики
фольклора, Российский государственный
гуманитарный университет
Россия, 125993, ГСП-3, Москва,
Миусская пл., д. 6
Тел.: +7 (495) 250-69-31
✉ okhrist@yandex.ru*

Olga B. Khristoforova

*Dr. Sci. (Philology)
Leading Researcher,
Centre for Theoretical Folklore Studies,
School for Advanced Studies in the
Humanities, Institute of Social Sciences,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration
Russia, 119606, Moscow, Prospekt
Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
Director, Centre for Typological
and Semiotic Folklore Studies, Russian State
University for the Humanities
Russia, 125993, GSP-3, Moscow,
Miusskaya Sq., 6
Tel.: +7 (495) 250-69-31
✉ okhrist@yandex.ru*